

Глава 45. Очки интеллекта для одинокого императора

Когда настало время ужина, Су Юй, чьё здоровье уже полностью восстановилось, по обыкновению отправился прислуживать Гань Ци. Раньше истинный владелец этого тела всегда стоял за спиной императора, подавая ему блюда, и Су Юй намеревался поступить так же, однако Гань Ци его остановил.

— Иди и сам поешь, здесь прислужат другие, — произнёс он.

То, что раньше казалось обыденным и привычным, теперь, представ перед глазами, вызывало у Гань Ци необъяснимое отторжение. Хотя он и сам не до конца понимал перемену в своих мыслях, сама мысль о том, что он будет сидеть, а Сяо Шуныцзы — стоять и прислуживать ему, была для императора совершенно неприемлемой.

Су Юй захлопал ресницами, втайне посмеиваясь, но с самым серьёзным видом ответил:

— Ваше Величество, не беспокойтесь, этот раб действительно полностью поправился. У меня не возникнет никаких трудностей, если я буду прислуживать вам за трапезой.

— Позже тебе ещё нужно будет помочь Мне подготовиться ко сну, так что сперва ступай и поужинай сам, — Гань Ци не мог озвучить истинные причины своего беспокойства, а потому просто напустил на себя суровый вид, подобающий правителю.

Однако на Су Юя эта игра не подействовала. Заметив строгость во взоре императора, он не только не испугался, но и изобразил на лице глубокую обиду:

— Неужели Ваше Величество уже начал тяготиться этим рабом? Не так давно я всего лишь подхватил простуду, а вы тут же прогнали меня обратно во двор и несколько дней не позволяли прислуживать... А теперь и вовсе не желаете, чтобы я подавал вам еду...

Сердце Гань Ци пропустило удар. Он почувствовал одновременно и беспомощность, и щемящую нежность. Тяжело вздохнув, он мягко произнёс:

— Я лишь не хочу, чтобы ты переутомлялся. О немилости не может быть и речи.

Вся его душа теперь принадлежала этому человеку. Он не знал, как выразить всю свою любовь, так откуда взяться пресыщению или отвращению?

— В таком случае позвольте вашему рабу прислужить вам, — Су Юй мгновенно просветлел, и в его взгляде зажглось предвкушение.

Гань Ци не нашёл в себе сил отказать, но и смотреть, как тот стоит над душой, раскладывая

еду, было невыносимо. На мгновение великий император даже растерялся из-за такого пустяка.

— Если Ваше Величество будете упорствовать, значит, вы и вправду больше не хотите меня видеть, — видя колебания императора, Су Юй нанёс сокрушительный удар.

Гань Ци тут же сдался. Он посмотрел на Су Юя взглядом, полным неосознанной ласки, и беспомощно вздохнул:

— Да будет по-твоему.

Су Юй принялся за дело. Он трижды подложил императору именно те блюда, которые тот терпеть не мог. Откуда он знал о вкусах Гань Ци? Кое-что досталось из памяти Сяо Шуньцзы, но в основном он опирался на опыт прошлых миров. В каждом цикле его возлюбленный терял память, но вкусовые предпочтения оставались неизменными. Этот раз не стал исключением.

Сначала Гань Ци принимал заботу Су Юя с некоторым трепетом, чувствуя себя польщённым. Но по мере того, как он поглощал кусок за куском блюда, от которых его воротило, до него начало доходить: что-то здесь не так. Почему Сяо Шуньцзы выбирает именно то, что императору не по вкусу?

Но раз уж еду подложил любимый человек, не съесть её было невозможно. Гань Ци давился, чувствуя горечь во рту, но на лице сохранял выражение абсолютного спокойствия. Как правитель империи, он не мог выставлять свои слабости напоказ, а как влюблённый — не хотел, чтобы Сяо Шуньцзы заметил его привередливость.

Су Юй, разумеется, видел все метания Гань Ци, и ему было и смешно, и радостно. «Вот тебе за то, как ты со мной обращался! Это лишь скромная закуска перед основным блюдом».

Пока они пребывали в этой обманчивой гармонии, в зал вошёл маленький евнух и склонился в поклоне:

— Ваше Величество, супруга И просит аудиенции.

Ещё до того, как Цинь Ижань вошла во дворец, Гань Ци даровал ей титул «И», что означало «безмятежная радость». Тогда он хотел подчеркнуть её значимость, но теперь, вспоминая об этом, чувствовал лишь собственную глупость.

Ощущая необъяснимую неловкость перед сидящим рядом Су Юем, Гань Ци украдкой взглянул на него. Тот с невозмутимым видом продолжал раскладывать еду. Император не знал, стоит ли ему испытать облегчение или, напротив, разочарование.

Гань Ци отвёл взгляд, и его настроение мгновенно испортилось из-за незваной гостьи.

— Я не желаю её видеть. Пусть возвращается в свои покои.

Су Юю это пришлось по душе, но он решил подлить масла в огонь:

— Раз уж супруга И пришла лично, может, Вашему Величеству всё же стоит её принять?

— Я не хочу её видеть, — отрезал Гань Ци. В глубине души он чувствовал обиду из-за того, что любимый человек заступается за Цинь Ижань, но понимал, что сам во всём виноват.

Су Юй снова пустил в ход свой главный козырь. Его глаза внезапно покраснели, и он заговорил срывающимся голосом:

— Ваше Величество не желает видеть супругу из-за меня? Прошлый раз, когда она наказала меня, это случилось лишь по моей вине — я не умею следить за языком и разгневал её. Во всём виноват ваш раб... Прошу вас, не гневайтесь на госпожу, иначе я стану преступником в собственных глазах.

Одарённый системой всеми возможными талантами, Су Юй мог быть и властным президентом, и коварным мстителем, и даже святой «белой лилией», если того требовали обстоятельства. Разумеется, роль невинной жертвы была лишь средством. Су Юй твёрдо решил свести счёты с Гань Ци. Точнее, он старался его исцелить. Ведь скудоумие — это болезнь, и её нужно лечить.

Глядя на «белоснежный цветок» в исполнении Су Юя, Гань Ци почувствовал смесь острой жалости и глухого раздражения. И в то же время его захлестнула волна самобичевания. Если бы он не был так слеп, если бы не принял рыбы глаза за драгоценный жемчуг, Цинь Ижань никогда не попала бы во дворец. Тогда Сяо Шуньцзы не пролежал бы несколько дней в горячке из-за её жестокости, а императору не пришлось бы сегодня терзаться угрызениями совести.

Су Юй видел состояние Гань Ци, но посчитал, что этого недостаточно. Чтобы императору стало ещё горше, его глаза наполнились слезами. Выглядел он так, словно вот-вот разрыдается от отчаяния:

— Ваше Величество, молю, примите супругу И!

«Только так мы сможем объединиться и довести её до истерики», — добавил он про себя.

Гань Ци тяжело вздохнул. Что он мог сказать, видя его покрасневшие глаза? Как бы скверно ни было у него на душе, он сдался:

— Пусть войдёт.

Цинь Ижань вошла в зал величавой походкой. На ней было роскошное платье цвета утренней

зари, а следом шла служанка с коробкой для еды — это была Юэлянь.

Су Юй, стоя за спиной Гань Ци, опустил голову. Скользнув взглядом по Цинь Ижань, он остановился на её служанке.

«Клубочек, кто это?»

Кругляш мгновенно сверился с сюжетом:

— Её зовут Юэлянь. Это шпионка Седьмого принца, приставленная к главной героине. С виду она ничем не примечательна, но мастерски владеет искусством ядов. Именно она приготовила ту чашу отравленного вина, которая в итоге убила главного героя.

«Так это она», — в его взгляде промелькнула холодная злоба. Обижать его возлюбленного имел право только он сам. Любой другой, кто осмелится посягнуть на него, должен быть готов к последствиям.

Кругляш сочувственно посмотрел на Юэлянь. Ещё одна несчастная жертва, которую Хозяин собирался стереть в порошок.

Цинь Ижань была полна негодования, но при мысли о том, что Юэхун всё ещё томится в Управлении наказаний, ей пришлось нацепить на лицо улыбку, в которой всё равно сквозило высокомерие:

— Ваше Величество, я собственноручно приготовила несколько видов сладостей и принесла их вам на пробу.

С этими словами она взяла коробку из рук Юэлянь и сама расставила угощения перед Гань Ци. Однако император даже не взглянул на них. Вместо этого он ледяным тоном произнёс:

— Дерзкая супруга И. Ты вошла к императору и не соизволила склониться в поклоне. Неужели ты замыслила пойти против Нас?

Эти слова прозвучали внезапно. Натянутая улыбка на лице Цинь Ижань застыла. В душе она кипела от ярости: она снизошла до того, чтобы принести ему сладости, а он попрекает её из-за такой мелочи, как поклон?

— Судя по твоему недовольному виду, у тебя и впрямь возникли мысли о мятеже? — Гань Ци сидел, а Цинь Ижань стояла. Несмотря на то, что он смотрел на неё снизу вверх, его властная аура буквально придавила женщину к полу.

Обвинение было слишком тяжёлым. Каким бы высоким ни было самомнение Цинь Ижань, она

побледнела и поспешно опустилась на колени:

— Смилуйтесь, Ваше Величество! У меня и в мыслях не было подобного кощунства.

Теперь взгляд Гань Ци стал по-настоящему высокомерным:

— Раз так, тебе стоит получше запомнить этот урок. Впредь не забывай о приличиях, иначе Нам будет трудно не истолковать твоё поведение превратно.

Цинь Ижань стиснула зубы. В её взгляде промелькнули ненависть и презрение, но ей пришлось смиренно склонить голову:

— Я внимаю вашим наставлениям, Ваше Величество.

Гань Ци кивнул, но не позволил ей подняться. Наконец он бросил мимолётный взгляд на сладости:

— И всё это ты приготовила сама?

— Именно так. Прошу вас, отведайте, — летнее платье было тонким, и Цинь Ижань, никогда прежде не знавшая подобных унижений, вскоре почувствовала резкую боль в коленях. Но она видела, что император в ярости, и ей оставалось лишь терпеть, копя в сердце злобу.

Гань Ци намеренно медлил, разглядывая угощение, прежде чем спросить:

— И всё же, зачем супруга И пришла ко Мне с этими подношениями? Что тебе надобно?

По всем правилам, в такой ситуации не следовало говорить о своих целях прямо, иначе благородный жест превращался в банальную сделку. Но Цинь Ижань, помимо гордыни, обладала ещё и поразительной глупостью. Изнывая от боли в коленях, она стиснула зубы и выпалила правду:

— Моя главная служанка Юэхун росла вместе со мной и всегда была мне предана. Я слышала, что Ваше Величество приказал отправить её в Управление наказаний, и пришла просить за неё.

Су Юй и раньше считал главную героиню непроходимой дурой, но не ожидал, что масштаб бедствия окажется настолько велик. Это было поистине впечатляющее зрелище.

Стоявшая рядом Юэлянь готова была зашить госпоже рот. Перед приходом она ясно проинструктировала её, как себя вести, но не ожидала, что у той напрочь отсутствуют мозги.

Гань Ци даже захотелось рассмеяться, настолько его поразила собственная былая слепота.

— Значит, ты принесла эти сладости только ради того, чтобы Я отпустил твою служанку?

Цинь Ижань так и не поняла, какую глупость совершила. Вместо того чтобы попытаться исправить положение, она уверенно кивнула:

— Я пришла именно за этим. Прошу, Ваше Величество, позвольте Юэхун вернуться ко мне.

— Цинь Ижань, не слишком ли много ты о себе возомнила? — на этот раз Гань Ци усмехнулся открыто. — Юэхун самовольно ворвалась в императорский кабинет, оскорбила Меня, а вместо раскаяния принялась лгать и изворачиваться. То, что Я отправил её в Управление наказаний — лишь мягкое наказание. С чего ты взяла, что Я отпущу её ради пары тарелок со сладостями?

— Но ведь Юэхун — мой человек! — Цинь Ижань окончательно отбросила осторожность, решив до конца выставить свою глупость напоказ. — К тому же, Ваше Величество наказали её только потому, что я ранее проучила вашего Сяо Шуньцзы, не так ли?

Гань Ци продолжал этот разговор лишь для того, чтобы окончательно убедиться в ничтожности женщины, которой он когда-то симпатизировал. Теперь, когда ответ был получен, он не желал больше терпеть её присутствие.

Однако стоило ему открыть рот, чтобы приказать выставить её вон, как Су Юй внезапно сделал два шага вперёд. Он склонился в вежливом, но исполненном достоинства поклоне:

— Этот раб знает, что моё положение ничтожно, и я не имею права вставлять слово в присутствии госпожи. Но есть вещи, о которых я не могу молчать. Госпожа вольна унижать и наказывать меня как ей вздумается — я приму это без единой жалобы, ведь вы — госпожа, а я — лишь слуга. Но я никогда не позволю вам так оскорблять Его Величество императора!

<http://bllate.org/book/17580/1719380>